

УДК 141

В. П. Лега

кандидат богословия, доцент каф. теологии
факультета гуманитарных наук МГЛУ, e-mail: legavp@gmail.com

ХРИСТИАНСТВО И НАУКА НОВОГО ВРЕМЕНИ

В современном обществе широкое распространение получил взгляд о противоположности религиозного и научного мировоззрения. Однако такая точка зрения основывается на непонимании основ современной науки и истории ее возникновения. В действительности у христианских богословов отношение к науке было весьма уважительным, ведь познание мира способствует и познанию Бога. В Западной Церкви под влиянием Фомы Аквинского наиболее соответствующим христианской картине мира стала считаться аристотелевская философия. Научная революция XVII века характеризовалась отказом от аристотелевского метода познания природы в пользу предложенного Г. Галилеем нового – экспериментального и математического. Многими западными христианами полемика Галилея против Аристотеля стала восприниматься как полемика против учения Церкви. В данной статье показывается, что определяющей причиной создания науки современного типа является христианское богословие Отцов Церкви. Чтобы показать, что атеизм и материализм не имели никакого отношения к современной науке, в работе даются ответы на следующие вопросы: каковы принципы аристотелевской физики? в чем причины отказа от нее? и, главное, какие христианские положения лежат в основе современной науки?

Ключевые слова: наука; христианство; Аристотель; Галилей.

V. P. Lega

Associate professor, Th.D., Department of Theology,
Faculty of the Humanities, MSLU; e-mail: legavp@gmail.com

CHRISTIANITY AND MODERN SCIENCE

In today's world, conventional wisdom has it that religious and scientific world-views are opposed to each other. This point of view, though, rests primarily on the misunderstanding of both the foundations and origins of modern science. In fact, Christian theologians treated science with great respect, as cognition of the world is conducive to the cognition of God. The Western Church, influenced by St. Thomas Aquinas, considered the Aristotelian philosophy closely corresponding to the Christian

picture of the world. The scientific revolution of the 17th century was characterized by the rejection of the Aristotelian investigative method and its replacement by the new one – an empirical and mathematical method – introduced by Galileo Galilei. Many Western Christians started to regard the conflict between Galilei's and Aristotle's approaches to cognition as a polemic against the teaching of the Church. This article argues that the Church Fathers' theology was the primary reason why the modern science emerged. To prove that atheism and materialism had nothing to do with the modern science, the author answers the following questions: what are the principles of the Aristotelian physics? Why was it rejected? And above all, which Christian ideas underlie the modern science?

Key words: science; Christianity; Aristotle; Galilei.

Начиная с эпохи Просвещения в современном обществе всё большее распространение получает взгляд о противоположности религиозного и научного мировоззрения. Сейчас принято считать, что первые ученые – творцы современной науки – развивали научные положения в борьбе с церковным учением. Поэтому существует мнение, что современная наука *атеистична*. Кроме того, утверждают современные ученые-атеисты, возникновение науки было связано с переносом интересов с мира идеального, божественного, на мир материальный, так что в основе научного познания лежит *материализм* и материалистический, т. е. сенсуалистический, способ познания. Ученые опирались на *опыт*, наблюдение, а не решали выдуманные идеальные проблемы (типа количества ангелов на конце иглы). И, кроме того, развитие науки было вызвано *практическими нуждами* человечества. Атеизм, материализм, доверие наблюдению и практика – вот, по их мнению, основания современной науки.

В качестве аргументов, как правило, выдвигаются следующие:

- наука и религия противоположны по своим установкам, ведь религия основана на вере, а наука – на разуме;
- во времена господства христианского учения (Средние века) наука не развивалась;
- развитие науки началось с борьбы ученых за право заниматься свободным поиском истины, независимым от догматических установок. Церковь противилась этому, а ученые преследовались (Дж. Бруно, Г. Галилей и др.). Как только наука получила свободу от Церкви, она стала бурно развиваться;
- большинство современных ученых – атеисты, что доказывает независимость науки от религии;

- те высказывания относительно мироздания, которые встречаются в Библии, противоречат современным научным теориям. Особенно это относится к учению о Сотворении мира Богом за шесть дней;
- чудес не бывает, всё подчиняется законам природы; христианство же немислимо без веры в чудеса.

Чтобы разобраться в основаниях современной науки и в ее отношении к религии необходимо понять, как она возникла, какие идеи предлагали ученые, создававшие ее в XVII в., – Галилей, Декарт, Ньютон, Лейбниц и др. Обычно считается, что эти люди бросили вызов религиозной картине мира и, опираясь на чувственный опыт, совершили научную революцию. Однако в действительности, как справедливо пишет В. Гейзенберг, «с отходом от религии новое мышление явно не имело ничего общего» [Гейзенберг 1987, с. 330]. Более того, именно в христианском богословии эти великие ученые нашли основу для нового естествознания. Почему же создалось впечатление о существовании конфликта между Церковью и новой наукой?

Проблема отношения Церкви к античной культуре была одной из главнейших для христианских богословов с самых первых веков христианства. Резко отрицательно относясь к язычеству¹, Отцы и учителя Церкви вполне положительно относились к научным открытиям греков и римлян. Никто из них даже и не помышлял о пересмотре Евклидовой геометрии, Гиппократовской медицины, Аристотелевской физики и т. п. Отцы Церкви чувствовали себя учениками этих великих греческих мудрецов, и в их трактатах очень часто можно найти цитаты из трудов античных ученых (особенно в трудах свт. Григория Нисского («Об устройении человека», «О шестоднев»), свт. Василия Великого («Беседы на шестоднев»), блаж. Августина («О книге Бытия»), Немесия Эмесского («О природе человека») и др.). Многие Отцы Церкви внимательно изучали физические, медицинские, философские концепции древнегреческих мудрецов, поскольку, как сказал св. Иустин Мученик, «всякий из них говорил прекрасно потому именно, что познавал отчасти сродное с посеянным Словом Божиим» [Иустин Мученик 1892, с. 119], а преп. Иоанн Дамаскин указывает, что «если есть что-либо благое у них, то оно даровано людям свыше от Бога»

¹ Апостол Павел пишет: «...язычники, принося жертвы, приносят бесам, а не Богу» (1 Кор. 10, 20).

[Иоанн Дамаскин 2002, с. 52]. Возможно, именно такое ученическое отношение к предшественникам послужило одной из причин того, что в христианстве не получили распространения научные исследования: зачем заниматься наукой, если великие греческие ученые уже всё сказали. Наука представлялась полностью законченной (ситуация, схожая с мнением великого английского физика лорда Томсона, также считавшего физику совершенно законченной к концу XIX в.).

Однако Отцы Церкви не просто интересовались наукой, но даже выдвигали интересные и удивительные научные гипотезы, подтвержденные только современной наукой. Так, свт. Василий Великий, рассуждая о величине Солнца, приходит к выводу, что это «небесное светило ... *велико* и до бесконечности больше, нежели каким представляется» [Василий Великий 1845, с. 115], да и размеры Луны, пишет он, следует измерять «не глазом, но рассудком, который при открытии истины гораздо вернее глаз» [там же, с. 118–119]. Удивительны для своего времени соображения свт. Василия о том, что свет может существовать до того, как возникли светила («тогда произведено было самое естество света, а теперь приуготовляется это солнечное тело, чтобы оно служило колесницею тому первобытному свету») [там же, с. 98], мысли Блаженного Августина о возникновении времени вместе с Вселенной [см.: Августин 2000, т. 3, с. 471].

Эталонном научного знания долгие века считался Аристотель. Именно его труды были основным источником научных знаний для Отцов Церкви. Доверие к его авторитету было столь велико, что его взгляды со временем были объявлены чуть ли не христианскими. По крайней мере, такая ситуация сложилась на Западе со времен Фомы Аквинского. Этот великий схоласт исходил из тезиса о непротиворечивости науки и христианства. А поскольку наука в те времена ассоциировалась с именем Аристотеля, Фома предложил грандиозный проект христианского богословия, изложенного языком аристотелевской метафизики с включением положений аристотелевской физики. Этот проект оказался настолько успешным, что к XVI в. аристотелевские космологические положения стали считаться фактически христианскими, поэтому любые нападки на аристотелевское учение часто рассматривались как нападки на христианство.

Однако не вся католическая церковь придерживалась аристотелевских взглядов. Большим авторитетом пользовался орден

францисканцев, в котором предпочитали опираться на традиционные положения св. Августина, соглашавшегося со многими положениями платоновской философии. В эпоху Возрождения начинается разочарование в схоластике, опиравшейся на Аристотеля, растет интерес к Платону, тем более что имя этого греческого философа было освящено авторитетом Блаженного Августина.

Однако несмотря на то, что Западная церковь фактически согласилась с выводами Фомы Аквинского и признала истинным аристотелевский взгляд на мир, для Галилея христианство не было тождественно с аристотелизмом, с которым он не был согласен по многим положениям. Галилей ни в коем случае не считал науку противоречащей христианству, но вот аристотелевские положения, по его мнению, с христианством связать не получается, и, более того, аристотелевский способ познания мира научным назвать нельзя. Таким образом, возникновение современной науки следует рассматривать в плане борьбы новых научных идей Галилея и его последователей с положениями аристотелевской физики. Как христианин Галилей возвращается к идеям ранних Отцов Церкви (прежде всего Блаженного Августина) и в них видит основу для создания новой науки. Поэтому конфликт в начале XVII в., конечно, был, но это был конфликт не христианства и науки, а аристотелизма и новой науки. Поэтому, чтобы понять суть научной революции, необходимо сравнить эти две научные парадигмы.

Аристотелевская физика исходила из следующих принципов:

1) прежде всего, полное доверие чувственному познанию. Отсюда следует ряд принципов: а) покой – это естественное состояние предмета, а движение всегда вынуждено, происходит под действием другого движущегося тела; б) Земля покоится, а все светила вращаются вокруг нее по окружностям;

2) физика имеет качественный, нематематический, характер. Предметом физики является несовершенный подвижный мир вещей, а математические, особенно геометрические, сущности в природе не существуют, а являются лишь продуктами человеческого ума;

3) мироздание неоднородно, каждое тело находится на своем естественном месте. Мир конечен, и границей его является сфера звезд. При этом тяжелые предметы, составляющие в совокупности Землю, находятся в центре Вселенной, а легкие, эфирные, например

Солнце, на ее периферии. При этом движение на Земле неидеально, поскольку небесноконечно, и лишь планеты и звезды вечно движутся по круговым орбитам в эфире;

4) человек умнее, хитрее природы, он может создать то, чего в природе нет.

В противоположность этому взгляду новое естествознание исходило из других положений, главные из которых вытекали из христианского вероучения:

1. Пространство однородно, свойства вещества везде одинаковы. Впервые этот принцип четко сформулировал кардинал Николай Кузанский в XV в. исходя из того, что Бог выше пространства и времени, поэтому для Него любое место и момент времени обладают равными значениями. Он же высказал и мнение о бесконечности Вселенной, поскольку она является творением всемогущего Бога.

2. Естествознание математично. Этот принцип Галилей выразил в виде учения о «двух книгах» – Книге божественного откровения (Библии) и Книге божественного творения (природе). У каждой книги свой язык. Первая написана буквами, вторая – цифрами и геометрическими фигурами: «книга природы написана языком математики». Более точно фраза Галилея выглядит так: «Философия написана в величественной книге (я имею в виду Вселенную), которая постоянно открыта нашему взору, но понять ее может лишь тот, кто сначала научится постигать ее язык и толковать знаки, которыми она написана. Написана же она на языке математики, и знаки ее – треугольники, круги и другие геометрические фигуры, без которых человек не смог бы понять в ней ни единого слова; без них он был бы обречен блуждать в потемках по лабиринту» [Галилей 1987, с. 41]. Эту мысль Галилей заимствовал у Блаженного Августина, который указывал на математические основания нашего мира, а это положение он, в свою очередь, нашел в Библии: есть такое «место Писания, где сказано, что Бог все расположил мерою, числом и весом (Прем. XI, 21)» [Августин 2000, с. 389], а отсюда вытекает, что «есть Число без числа, по Которому все образуется, само же Оно не образуется» [Августин 2000, т. 2, с. 390]. До Галилея эту же мысль высказывал Николай Кузанский: «Бог применил при сотворении мира арифметику, геометрию и музыку вместе с астрономией – искусства, которыми и мы пользуемся, исследуя пропорции вещей, элементов и движений. Арифметикой он их соединил;

геометрией придал им фигуру ... музыкой соразмерил их» [Николай Кузанский 1979, с. 140].

3. Мир подчиняется законам, которые являются формой Божественного промысла. Античность не знала понятия закона природы, поскольку не знала Творца, сотворившего сей мир по Своему замыслу. Впервые понятие закона природы в физику вводит Р. Декарт, причем сделал он это из богословских соображений: «Из того, что Бог не подвержен изменениям и постоянно действует одинаковым образом, мы можем также вывести некоторые правила, которые я называю законами природы» [Декарт 1989, с. 368]. Декарт вводит понятие законов природы не на пустом месте. Задолго до него это положение выдвигалось и многими Отцами Церкви. Например, свт. Василий Великий в толковании на Шестоднев пишет: «... в сих творениях людьми, имеющими ум, созерцательно постигнутый закон служит восполнением к славословию Творца ... и она (сотворенная природа. – *В. Л.*), по вложенным в нее законам, стройно возносит песнопение Творцу» [Василий Великий 1845, с. 58–59]. Свт. Григорий Богослов также говорит, что существует «Божий закон, прекрасно установленный для всего творения и видимого, и сверхчувственного», и что этот «закон ... дан однажды, действие же и ныне постоянно продолжается» [Григорий Богослов 1994, с. 436]. Так что принцип законосообразности природы является вполне христианским. Соединив это положение с предыдущими двумя, первые ученые приходят к выводу о том, что законы природы выражаются на языке математики и действуют одинаково в любой точке Вселенной и в любой момент времени. Современные ученые, отказавшиеся от идеи о божественной причине мира, оказываются в странном положении: они сами не уверены, насколько обосновано их убеждение в существовании законов природы. Так, известный физик XX в. Р. Фейнман (кстати, убежденный атеист), пишет: «Почему природа позволяет нам по наблюдениям за одной ее частью догадываться о том, что происходит повсюду? Конечно, это не научный вопрос; я не знаю, как на него правильно ответить» [Фейнман 1987, с. 156]. Действительно, ни один закон природы невозможно проверить на опыте, поскольку он является обобщением на всю Вселенную, да и выражается на языке четкого математического равенства. Поэтому для его открытия необходимо отрешиться от наблюдения, возвыситься мыслью к вечности. Как сказал по этому

поводу А. Эйнштейн, «там, где отсутствует это чувство (религиозное чувство, вера в рациональную природу реальности. – В. Л.), наука вырождается в бесплодную эмпирию» [Эйнштейн 1967, с. 565], и поэтому «в наш материалистический век серьезными учеными могут быть только глубоко религиозные люди» [там же, с. 126]. Понимание того, что закон природы – это не свойство самой природы, а является формой божественного управления миром приводит нас к попытке объяснения возможности чудес и примирения их существования с законами природы¹. Ведь управление миром может идти по-разному: либо путем постоянного воздействия Бога на него посредством задания ему неких законов, постигаемых наукой, либо путем разового вмешательства в ход событий, что людям будет представляться как некое чудо. В общей картине взаимодействия Бога и мира чудо и закон – не противоположности, а два различных пути воздействия Бога на мир². Разумеется, это предполагает представление о Боге как о личном Существо, а не некоем безличном мировом Разуме, ибо для совершения разового действия, каким является чудо, необходима воля, имеющаяся лишь у личности.

4. Наука не имеет практической задачи, цель науки – познание мира посредством познания Бога, и наоборот, познание Бога посредством познания мира. Какими практическими интересами руководился Галилей, направивший телескоп на небесные светила? Или Ньютон, искавший закон, связывавший всю Вселенную посредством единой силы тяготения? Правильнее было бы сказать, что наука продолжала линию средневекового богословия. Дело в том, что в аристотелевской философии было четкое разделение науки на философию, физику и математику. Они не пересекались, поскольку их предметы отличались: философия познает вечное и неизменное, физика – временное и изменяющееся, а математика – некие интеллектуальные абстракции,

¹ Подробнее об этом см. в статье: *Лега В. П.* Проблема чуда с точки зрения современного научного и христианского мировоззрения // *Ценностный дискурс в науках и теологии / Рос. акад. наук, Ин-т философии, Рос. гос. гуманитар. ун-т; отв. ред. И. Т. Касавин и др. М. : ИФРАН, 2009. С. 73–95.* Перепечатано в: *Экзистенциальный опыт и когнитивные практики в науках и теологии. М., 2010. С. 228–247.*

² Именно так понимал чудо В. Г. Лейбниц, обсуждавший проблему чудес с секретарем И. Ньютона Кларком [см.: Лейбниц 1982, с. 491–499].

существующие не в природе, а в уме человека. Истинной наукой для Аристотеля являлась, разумеется, философия. В Средние века статус истинной науки получает богословие, которое также своим предметом ставило вечного и неизменного Бога; физика же, хотя и называлась наукой, считалась наукой менее значимой. Творцы новой науки в XVII в. фактически соединили богословие, физику и математику, и отныне предметом физики также становятся вечные божественные принципы – законы природы, изложенные языком математики. По сути, новая физика является продолжением богословия, точнее, естественного богословия, ставящего задачей познание Бога посредством наблюдения за явлениями мира. Это можно увидеть даже из высказываний самих ученых. Например, И. Ньютон заканчивает свои «Математические начала натуральной философии» следующими словами: «Вот что можно сказать о Боге, рассуждение о котором, на основании совершающихся явлений, конечно, относится к предмету натуральной философии» [Ньютон 1989, с. 661], а И. Кеплер возносит хвалу Господу: «Благодарю тебя, Господи, творец наш, за то, что ты дал мне созерцать красоту творения рук твоих» [цит. по: Гейзенберг 1987, с. 274].

5. Исходя из своей задачи наука формирует и соответствующий метод. Им становится эксперимент, гармоничное сочетание сенсуализма и рационализма, при котором исследователь не полностью доверяет наблюдению, но корректирует его посредством рассуждений. Наука начинается не с доверия опыту, а, наоборот, с некоторого недоверия ему. По выражению В. Гейзенберга, «искажая и идеализируя ... факты, он (Галилей. – В. Л.) получил простой математический закон, и это было началом точного естествознания Нового времени» [Гейзенберг 1987, с. 274].

Таким образом, наука возникает не только не в борьбе с Церковью, но, наоборот, в результате применения некоторых положений христианского вероучения к познанию природы. Поэтому неудивительно, что до начала XIX в. все ученые были людьми верующими. Да и в последующие годы, несмотря на всё большее влияние атеистических идей Просвещения, великие ученые, среди которых М. Фарадей, Дж. Максвелл, Г. Мендель, О. Коши, М. Планк и другие, признавали справедливость религиозных положений. Например, М. Планк, один из основоположников квантовой механики, говорил: «...мы никогда не встретим противоречия между религией и естествознанием,

а, напротив, обнаруживаем полное согласие как раз в решающих моментах. Религия и естествознание не исключают друг друга ... а дополняют и обуславливают друг друга» [Планк 1990, с. 35].

Почему же наука тогда возникает на Западе, а не в Византии? Одной из причин является языковая. Дело в том, что языком богослужения в католицизме был латинский, который к тому времени стал уже мертвым языком, непонятным современникам. Для подготовки священнослужителей в Западной Европе создаются многочисленные школы, где изучают латынь и учат читать и понимать Библию. На основе этих школ потом возникают университеты. Следствием этого станет появление когорты интеллектуалов, профессионалов, которые говорят на одном языке – на латыни. Они способны к интеллектуальному труду и готовы посвятить ему всю свою жизнь. Этот факт очень важен для понимания того, почему наука впоследствии – в XVII в. – возникнет именно в Западной Европе. Не в Византии, где общий уровень образования был выше, поскольку и Священное Писание, и труды Отцов Церкви, и богослужебные книги были написаны на родном языке жителей Византии – на греческом. Поэтому прочитать их мог любой, для этого было достаточно просто научиться читать на своем родном языке. Но в Византии нет касты – «интеллектуальной элиты», потому что греческий язык, язык богослужения, это родной язык ромеев, жителей Византии. Там нет и той обширной сети университетов, которая необходима для возникновения науки. А о том, что наука не противоречит православным канонам, свидетельствует простой факт: возникнув на Западе, наука тут же распространится и на восточноевропейские православные страны.

Таким образом, христианство было для ученых тем фундаментом, на котором они выстраивали здание современной науки. Именно в христианстве содержатся те положения, которые наукой признаются в качестве недоказуемых самоочевидных аксиом: существование законов природы, математический характер этих законов, познаваемость мира, существование мира, упорядоченность вселенной, однородность пространства и др. Ни одно из этих положений невозможно доказать в рамках науки, но без них существование науки невозможно. По сути, ученый принимает их на веру. Так что вполне прав был Блаженный Августин, провозгласивший тезис: «Верую, чтобы понимать». Между верой и знанием нет никакого противоречия. Вера в перечисленные

принципы, по сути заимствованные из христианства, помогает выстраивать далее здание современной науки. Как пишет американский ученый Ч. Таунс, один из первооткрывателей лазера, «эта вера так глубоко укоренилась в сознании ученого, что большинство из нас вообще никогда не думает о ней» [Таунс 1979, с. 62].

В этом одна из причин того, что современные ученые якобы не нуждаются в религии. Можно привести следующее сравнение. Штукатур, занимающийся отделкой дома, не обязан быть ознакомлен с проектом целого здания. Но без этого проекта, предложенного архитектором, невозможны и отделочные работы. Так же и наука. Имея религиозные корни, будучи полностью религиозной в начале своего развития, сейчас она во многом стала ремесленной. В XVII в. ученый должен был знать о науке всё, должен был понимать, *что* такое наука, видеть ее, так сказать, со стороны, т. е. он практически обязан был быть не только ученым, но и философом, и богословом. Современный же ученый должен знать хорошо лишь свою узкую научную область, должен хорошо владеть математическим аппаратом, экспериментальным методом и т. п. И в этом причина кажущейся атеистичности науки – в том, что ученые становятся ремесленниками и перестают быть философами и богословами.

Миф о существовании гонений на ученых в XVI–XVII вв. является всего лишь просвещенческой выдумкой. Ни одного примера преследований ученых, кроме случаев с Дж. Бруно и Г. Галилеем, назвать нельзя. Да и в этих случаях всё не столь радужно с точки зрения атеиста. Что касается Дж. Бруно, то он был не ученым, а философом-язычником, сторонником пантеизма, еретиком, и именно за свои еретические положения и поплатился жизнью. Как пишет Фр. Йейтс в своем замечательном исследовании о Дж. Бруно, «философия Бруно в сущности герметическая ... он был герметическим магом самого радикального типа, с магико-религиозной миссией, символом которой была система Коперника» [Йейтс 2000, с. 158]. Преследование Дж. Бруно было типичным проявлением преследования еретиков, столь характерным для ренессансной Европы. Конечно, нельзя приветствовать сжигание еретиков на кострах, но и говорить, что это было преследование за научные убеждения, тоже не стоит. По крайней мере, в материалах процесса над Дж. Бруно ни слова не говорится о его так называемых научных положениях. К тому же мысль о бесконечности Вселенной

возникла задолго до XVI в. и высказывалась самыми авторитетными католическими богословами. Бруно заимствовал ее непосредственно у кардинала Николая Кузанского, о чем и пишет: «...к этому способу познания приблизился, если не дошел до этого, Николай Кузанский в своем “Ученом незнании”» [Бруно 2000, с. 223].

Что касается Г. Галилея, то здесь несколько иная ситуация. Дело в том, что Галилей выбрал не совсем удачный момент для публикации своего трактата «Диалог о двух главнейших системах мира: птолемеевой и коперниковой». В середине XVI в. М. Лютер обвинил католиков в том, что они отошли от сути христианства, стали слишком доверяться науке и философии, в то время как спасается человек, по Лютеру, «только верой». Вкупе с другими обвинениями (индульгенции и т. п.) эти нападки послужили причиной начала кровопролитных реформационных войн. Одним из аргументов для лютеран был факт положительного отношения католиков к работе Н. Коперника. И поэтому, когда реформационные войны затихли, католическая церковь, не желая идти на углубление конфронтации, не рекомендовала Галилею публиковать свою книгу в защиту коперниковского учения до тех пор, пока тот не сможет полностью и убедительно доказать свое учение. Галилей же ослушался и опубликовал книгу, в чем и вынужден был покаяться. Кстати, как указывает В. Гейзенберг, правота Галилея в этом споре всё же не столь очевидна. С научной точки зрения Галилей все-таки был неправ, ведь Земля движется не по окружности, а по эллипсу, и прав в этом смысле не Коперник, а Кеплер. Но больше всего Галилей оказывается неправ в нравственной области, не просчитав те последствия, к которым могла бы привести публикация его идей [см.: Гейзенберг 1987, с. 336–341].

Многие десятилетия ученые-атеисты, воодушевленные успехами науки, практически были убеждены, что наука фактически доказала, что Бога нет, или, иначе говоря, что все явления природы можно объяснить, не прибегая к гипотезе Бога. Однако в XX в. совершаются открытия, которые вновь заставляют задуматься о справедливости христианства. Наиболее часто в этом плане говорится о теории возникновения Вселенной в результате Большого взрыва. Действительно, во все времена считалось очевидным, что из ничего не может возникнуть ничего, и поэтому Вселенная вечна. Христианство же упорно утверждало, что у Вселенной есть начало. И лишь в середине

XX в. наука признала, что действительно, Вселенная имеет начало, причем возникла она из сингулярности, ложного вакуума, т. е. фактически из небытия. Один из наиболее авторитетных специалистов по теории Большого взрыва П. Дэвис пишет: «Тысячелетиями человечество верило в то, что “из ничего не родится ничто”. Сегодня мы можем утверждать, что из ничего произошло все. За Вселенную не надо “платить” – это абсолютно “бесплатный ленч”» [Дэвис 1989, с. 225].

Библейский рассказ о шести днях творения удивительно превосходит современные научные знания. Как мог автор, живший более чем за 1000 лет до Рождества Христова, предугадать возникновение мира из ничего, начало времени, появление света до возникновения Солнца? Откуда ему было известно, что Солнце больше Луны, в то время как земному наблюдателю их размеры кажутся идентичными? Как он мог догадаться о том порядке возникновения живых существ, который признает современная эволюционная наука? Ведь даже такие величайшие греческие ученые и философы, как Анаксагор, Демокрит, Эмпедокл, высказывали столь нелепые с точки зрения науки гипотезы, которые могут вызвать у современного ученого лишь снисходительную улыбку. А здесь простой египетский пастух...

Таким образом, убеждение о противоположности науки и христианства может возникнуть лишь при поверхностном понимании как науки, так и христианства. Более глубокое проникновение в основания научного знания, в христианское богословие, знакомство с историей возникновения нового научного естествознания и с историей христианства позволяет нам понять фундаментальную близость научного и христианского учений. Поэтому многие верующие ученые так любили цитировать замечательные слова английского философа и пропагандиста новой науки Ф. Бэкона: «Поверхностная философия склоняет ум человека к безбожию, глубины же философии обращают умы людей к религии» [Бэкон 1972, с. 386].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Августин, блаж.* Творения : в 4 т. СПб.; Киев, 2000.
Бруно Дж. Философские диалоги. М., 2000. 319 с.
Бэкон Ф. Сочинения : в 2 т. Т. 2. М., 1972. 582 с.
Василий Великий, свт. Творения : в 4 ч. Ч. 1. М., 1845. 407 с.
Галилей Г. Пробранных дел мастер. М., 1987. 271 с.
Гейзенберг В. Шаги за горизонт. М., 1987. 368 с.

- Григорий Богослов, свят.* Собр. творений : в 2 т. Т. 1. Сергиев Посад, 1994. 680 с.
- Декарт Р.* Сочинения: в 2 т. Т. 1. М., 1989. 656 с.
- Дэвис П.* Суперсила. М., 1989. 272 с.
- Иоанн Дамаскин, преп.* Источник знания. М., 2002. 415 с.
- Иустин Мученик, св.* Сочинения. М., 1892. 485 с.
- Йейтс Фр.* Джордано Бруно и герметическая традиция. М., 2000. 527 с.
- Лейбниц В. Г.* Собр. соч. : в 4 т. Т. 1. М., 1982. 636 с.
- Николай Кузанский.* Сочинения : в 2 т. Т. 1. М., 1979. 488 с.
- Ньютон И.* Математические начала натуральной философии. М., 1989. 688 с.
- Планк М.* Религия и естествознание // Вопросы философии. № 8. 1990. С. 25–36.
- Таунс Ч.* Слияние науки и религии // Диалоги. Полемические статьи о возможных последствиях развития современной науки. М., 1979. С. 59–66.
- Фейнман Р.* Характер физических законов. М., 1987. 158 с.
- Эйнштейн А.* Собрание научных трудов. Т. IV. М., 1967. 599 с.